

Чудесный способ избавить от икоки

Второй господин взял папиросу, не спеша зажав её в пальцах, и принялся плотно скручивать табак, на ходу приговаривая:

— Этот племянничек родился аккурат в солнечное затмение — прямо будто кто-то взял да запер солнце на замок. А раз ваша фамилия Гуань, я подумал: пусть официальное имя будет Гуань Тайян, а детское прозвище — Хэй Тайян. Оба прекрасно передают всё величие его рождения во время затмения.

— Верно, звучит очень звонко. Только вот... — Дапао на мгновение запнулся и продолжил: — Вы тут рассуждали о настоящих мужиках, и я тоже слушал. Вы говорили, что имя Ли Лисаня означает «твердо стоять в морали, совершать дела и оставлять слово». А какое значение заложено в этом имени, по-вашему?

Второй господин прикурил папиросу и пустился в объяснения:

— В древности ходили две такие мудрые присказки: «Правитель же воистину силен не тем, что лишён ошибок, а тем, что умеет их исправлять», а ещё: «Убыль благородного мужа древности подобна солнечному и лунному затмениям — её видят все подданные, а когда он исправляется, все преклоняются перед ним». Ты, пожалуй, не поймёшь, так что я растолкую. Иными словами: суть человеческая не в том, чтобы считать отсутствие огрехов добродетелью, а в том, чтобы покаяние и исправление считать великим благом. Когда благородный муж в древности совершал ошибку, это было всё равно что затмение солнца или луны на высоком небосводе: весь мир видел её ясно и отчётливо, но стоило ему исправиться, как люди начинали уважать и почитать его по-прежнему. По мне, так в этой жизни от ошибок никто не застрахован: знаешь за собой оплошность, но не исправляешь — усугубляешь зло; знаешь и исправляешь — значит, и не оплошность вовсе. Глядишь, наш мальчонка вырастет и замахнётся на великие дела, а то ведь глядишь — и исправит какую-нибудь вселенскую ошибку. Вот какой глубокий смысл заложен в этом имени!

— И правда, верно! Как складно да ладно говорите, с умом и толком. Мне оба имени по душе, позвольте от лица малыша поблагодарить вас!

Как раз в год рождения Хэй Тайяна — до и после него — в этой деревне одна за другой на свет появилась целая ватага ребятишек. У бригадира Юэ Сюэшуэ родился сын по имени Се Ци, у Бэйцзы — сын Мэн Цзю, в семье Сяо — дочка Я Чжа, а у Гэ Цзиньну — близнецы, одного назвали А У, другого — Я Ху. И без лишних расспросов было понятно: те имена, что несли в себе хоть какой-то смысл, помогал подбирать Второй господин, а простые и простецкие родители лепили наобум, что на язык придётся. Любители давать имена тяп-ляп обычно оправдывались излюбленной поговоркой: имя — всего лишь звук, лишь бы звонко звалось. Эта крылатая фраза чаще всего служила лишь отговоркой для тех, кому лень напрягать мозги и прикрывать собственное невежество.

В осенний призыв того года Цзян Даяо и Гэ Фотун из Люгоу, Хань Бичжун из Ханьгоу и Ши

Фоцзы из Шицзоу с честью пополнили ряды Народно-освободительной армии Китая. В те времена служба в армии считалась величайшей честью, заветной мечтой любого юноши, способной в корне переломить всю его судьбу. Отслужишь несколько лет — останешься в части кадровым военным, а переведут на гражданку — глядишь, готовый руководящий кадр.

Старший сын в семье Вань уже было прошёл медкомиссию в спецназ, уселся в поезд и ждал лишь гудка паровоза, чтобы отправиться в часть, как вдруг из коммуны впопыхах позвонили на вокзал, стащили парня с поезда, и поездка сорвалась. Беды не так страшны, как злые языки. Говаривали, будто некто Жэнь Мянътао, служивший секретарём в коммуне, вставил палки в колёса, доложив наверх, что у семьи Вань нечисто с политическим прошлым.

Младший дядя Гэ Цзиньну, некий бездетный одиночка по имени Гэ Шуми, наученный горьким опытом семейства Вань, на сей раз включил голову и оформил Саньваня к себе в приёмышы, сменив тому фамилию. Только так происхождение и оказалось кристально чистым, так что нынче парень благополучно прошёл медкомиссию.

Не успела оглянуться зима, как наступила вторая весна, и Хэй Тайяну уже почти исполнился год (было это 24 апреля 1970 года, когда должно было случиться одно знаменательное событие). Лун Юйпин вышла с ребёнком к старому вязу пообщаться с народом. На ужин она поела кукурузной каши — торопилась, видно, вот её и скрутило: напала жуткая икока. Икнёт — и по спине мороз, икнёт — и снова спазм; поток воздуха расpirал горло так, что жгло до самого сердца, глаза едва не вылезали из орбит от напряжения, а из уголков катились слёзы. Некогда прелестное лик-цветок перекосило, и оно сделалось багровым, точно спелый персик.

В пустующем амбаре возле вяза обитал получающий пособие по старости одиночка Гэ Шуми. Юйпин бросилась к нему, попросила воды и сразу осушила чашку, но толку чуть — икока по-прежнему бушевала в груди с неукротимой силой и прекращаться вовсе не собиралась. Хэй Тайяна в её объятиях изрядно трясло, и он уставился на мать взглядом, полным немых вопросов, словно говоря: Мам, ты чего это? Перестань, а то я сейчас зареву!

Матушка Гэ сказала:

— Ишь ты, как ребёнка растрепала, давай-ка его сюда.

Она протянула руки, и Юйпин подала малыша навстречу, но из-за застывших глаз слёз не рассчитала расстояние — пальцы чуть было не разжались слишком рано. Не вовремя случился новый мощный ик, от которого Юйпин затрясло, и Хэй Тайян выскользнул у неё прямо из рук на землю. Мальчуган и без того был на грани слез, а тут такой повод — и он залился истошным плачем, вытягивая звуки на манер крика заблудшего оленёнка. Матушка Гэ спешно подхватила его, глянула: на лбу уже надулась крупная шишка. Одной рукой она принялась её аккуратно разглаживать и нараспев запричитала:

— Шишка-шишка, рассейся вмиг, чтоб бабка не видала этот лик!

Увидев, что Хэй Тайян притих и плачет уже не так громко, матушка Гэ присела на корточки,

чтобы он мог следить за её движениями. Притопнув носком правого ботинка о землю, она заговорила:

— В землю зароем, в землю зароем, чтоб больше не смел ты драться с героем!

Солнышко устало на землю, потом перевело взгляд на старуху и заглотило слёзы обратно. Матушка Гэ принялась поочерёдно поглаживать его крошечное запястье, поднимаясь всё выше ступенчатыми движениями, пока наконец не ущепнула за подмышку, а под конец принялась легонько щекотать подмышку указательным пальцем. Каждое движение сопровождалось ритмичным напевом:

— Здесь солоно, здесь сладко, здесь свинью режут для порядку, здесь воробьям спасенья нет, щиплют перья до рассвета — давай-ка щипать!

Она прижалась лбом ко лбу малыша и нежно затеребила его пухлые щёчки старыми морщинистыми пальцами. Чего у неё не отнять, так это умения заговаривать зубы младенцам. После такого представления Хэй Тайян неожиданно расхохотался сквозь слёзы, да так звонко, что из носа у него забавно надулись пузыри. Матушка Гэ тут же подхватила частушку:

— То смеётся, то ревёт — из ноздрей салют бьёт!

Ребёнок-то успокоился, а вот Юйпин по-прежнему продолжала сотрясаться от надрывной, раздирающей душу икоки. Матушка Гэ молвила:

— А я ведь могу тебя вылечить.

— Ради бога, исцелите! Если ещё хоть немного продлится, сердце в груди разорвётся, — простонала Юйпин, прижимая ладонь к груди.

Матушка Гэ в тот же миг помрачнела лицом, приняла боевую стойку скандалистки и с жутким оскалом заорала:

— Да чтоб ты доикалась до смерти, я бы только порадовалась! Воспользуюсь моментом, пока ты рта раскрыть не можешь, и выверну наружу всю вашу грязную семейную подноготную!

Услышав такое, Юйпин оторопела: как же так, вроде приличный человек, а несёт невесть что! Слова хлестнули её, словно брызнувшая изо рта кровь, и щеки мгновенно залились ярким румянцем стыда. Про себя Юйпин подумала: недаром в народе бают, что истинную ценность нефрита узнают лишь после трёх дней в огне, а человека по-настоящему познаешь лишь через семь лет. Сама виновата — знакома с ней и трёх лет не прошло, толком не раскусила. С чего вдруг такая перемена? Точь-в-точь старуха из сказки о рыбаке и рыбке да серый волк в бабушкином платье — пакостнее некуда! Юйпин сдержала гневавшие внутри искры и промолчала.

А матушка Гэ, даже не глядя на её перекошенное лицо, принялась громко рассказывать историю остальным:

— Дело было в пору земельной реформы. В тот день я за восточными воротами наблюдала за казнью крупных помещиков и злостных угнетателей. Приговорили пятерых, и среди них — богатей уездного масштаба Ху Шанжэнь, тесть знаменитого главаря бандитов Чэнь Бесаня. Я у него в доме сезонной батрачкой подрабатывала, потому и признала.

Юйпин попыталась вставить слово:

— Вы же собирались мне икоку вылечить, к чему теперь эти воспоминания?

Матушка Гэ даже бровью не повела в её сторону и холодно бросила:

— Дай доскажу, куда спешишь? Когда у самой душа в пятках, чего ж другим не послушать? — И продолжила свой рассказ: — На каждого приговорённого приходилось по два бойца НОАК. Обоих опускали на колени, стягивали с них верёвки, которыми те были скручены крест-накрест, и швыряли их на землю. За спиной у каждого смертника стоял ещё один солдат с винтовкой наперевес, уперев ствол прямо между лопаток. Ху Шанжэнь повернул голову к стоявшему позади солдату и попросил: «Товарищ, нельзя ли сделать казнь быстрой и лёгкой?» Тот глянул на него, ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул. Какой-то командир высоко вскинул фуражку с красной звездой и резко опустил вниз. Раздалось несколько хлопков — трах-тах! — и конвоиры отпустили приговорённых. Те, кто послабее здоровьем, сразу поникли головами и осели на землю без движения. Те, кто покрепче, попытались выпрямить ноги, огляделись по сторонам, пошатнулись и тоже рухнули замертво. А Ху Шанжэнь был мужик крупный, плотный, жизнестойкости в нём оказалось с избытком. Он дольше всех простоял на ногах, успев обвести взглядом каждого присутствующего, словно выискивая родные лица. Наконец уголки его окровавленных губ тронула улыбка, он блаженно, словно познав высшую истину, прикрыл глаза и грянулся навзничь, но продолжал судорожно подёргиваться. Солдат подцепил штыком полу его длинного халата и набросил ему на лицо — видать, чтобы зеваки не zapomнили предсмертную гримасу на всю оставшуюся жизнь. Затем он обутом в сапог прикладом дважды с размаху врезал ему по паху — бандит дрыгнул ногами, словно взбираясь по лесенке, и наконец испустил дух. Из рядов военных вышел грамотный боец, присел рядом с Ху Шанжэнем, расстелил на земле лоскут жёлтой обёрточной бумаги, вытащил из кармана блокнот и палочкой, обмакнув её в проступившую на земле кровь, перенёс имена казнённых с листка на большой плакат. Затем подошёл к канаве, набрал на палочку жидкой грязи и прилепил это кустарное объявление на ближайшую стену. Остальные солдаты подобрали с земли обрывки верёвок и нанизали их на дула винтовок — нужно отчитываться перед командованием: ни одна верёвка не должна пропасть, каждая петля означает одну исполненную казнь. Когда военные ушли, из толпы выскочила какая-то женщина, вытащила из кармана заранее заготовленную лепёшку, разломила её пополам и бросилась к бездыханному телу Ху Шанжэня. Она прижалась к его окровавленному животу, собирая лепёшкой сочащуюся из раны кровь, и принялась медленно, ещё теплую, её уплетать. Позже люди судачили меж собой: мол, ту бабу замучила жуткая икока, та самая хвороба, что зовётся удушливой, а от неё исцеление одно — только такое средство и помогает.

Тут матушка Гэ наконец прямо посмотрела на Юйпин и спросила:

— Угадай, кем была та баба?

— Кем?

— Да твоя же свекровь!

— Быть не может! Вы же переселились сюда из Хэнани, откуда вам знать здешние давние дела?

— Ой, да ты совсем сдурела! Женская доля что вода — куда течёт, никто не ведает. Твоя мать Хуан Цзиньхуа тоже отсюда родом, а замуж её выдали как раз в Хэнань. Мы ведь с ней из одной деревни, сватал нас один и тот же сват, об этом ты, видать, и не ведала?

— Но ведь столько лет прошло! С чего вы взяли, что лепёшку в крови макала именно моя покойная свекровь?

— От такой мерзости в глазах рябит на всю жизнь, сколько ни пытайся — не забудешь. Лицо-то у неё не изменилось, я её прекрасно помню. Ну так что там?

— Что?

— Икока-то!

— Ой... прошла! И когда только отпустила — сама не пойму. Вот ведь чудеса!

Матушка Гэ пояснила:

— Против икоки лекарств не сыщешь, если прихватит всерьёз — даже вода не поможет, только этот способ и выручает. Я ведь тоже от стариков слышала: надо внезапно ошарашить икающего человека чем-то шокирующим, вывалить новость, что захватит всё его внимание, заставит душу пережить настоящий переворот. Тут тебе и удар по репутации, и задетое самолюбие — мысли в голове разом закружатся в бешеной пляске, вот тогда и будет толк. А делается это так: резко с кем-то разругаться, вылить ушат помоев, раскопать грязные тайны, выдать то, что человек безумно жаждет узнать или, наоборот, отчаянно пытается скрыть. На худой конец сойдут диковинные сказки да страшные байки про нечисть. Цель у этого одна-единственная: отвлечь человека от его икоки.

— И как это называется?

— Метод переключения сознания. Сама-то замечала за собой такое? Бывало, на дворе лютый мороз, да приключится какая-нибудь напасть — сердце мгновенно сожмётся в комок, тело бьёт неукротимая дрожь, зубы стучат друг о друга, и за секунду по всему телу мурашки высыпают.

Но стоит в этот момент долететь какой-нибудь доброй вести, как дрожь вмиг проходит, на душе теплеет, и от мурашек за полсекунды не остаётся и следа.

Лун Юйпин кивнула:

— Бывало, бывало. После такого урока я теперь сама учёная: чуть у кого икока нападёт — воспользуюсь моментом, поизмываюсь над беднягой, а она потом ещё и благодарить меня станет за науку.

Матушка Гэ вернула Хэй Тайяна матери и, тыча пальцем ей в шею, поинтересовалась:

— Я пока ты икала и не замечала вовсе — что это у тебя за шишка на горле выросла?

— От рождения такая. Сама не пойму, с какой стати небеса наградили меня этим наростом, прямо как у мужчин кадык. Жутко некрасиво для женщины, а матушка утешала меня, плетя круговые напевы: мол, это знак избранности, судьба у тебя будет крепкой, как камень, любую горечь снесешь и проживёшь долгий век.

— А ну-ка, дай потрогаю.

Матушка Гэ протянула руку, пощупала шишку и подтвердила:

— И впрямь точь-в-точь как кадык у моего покойного мужа.

— Места у нас глухие, до самого императора далеко, отроду ни одного учёного не встречали. Попадись мне такой — непременно бы расспросила, с чего вдруг у женщин кадыки вырастают.

Как говорится в книгах, медицина в старом Китае была в зачаточном состоянии, но не ждать же расцвета науки, умерая от болезней — так и помереть недолго. Простой народ издавна говорил, что народные средства лечат от тяжёлых недугов. За неимением медицинских условий и денег люди волей-неволей изобретали самые причудливые рецепты, авторство которых теперь уже днём с огнем не сыщешь. В Баохэ ходит такая шутка: жил да был некто Хань Ху — человек на деньги жадный, словно казанок, привязанный к спине (вечно в тисках). Случилось ему захворать, и пошёл он к лекарю Жэнь У за исцелением. Доктор Жэнь пощупал пульс, определил недуг и выписал снадобье — корень женьшеня. Услышав про дорогое лекарство, Хань Ху взмолился:

— Доктор Жэнь, а нет ли чего попроще, но с таким же действием?

— Корень ремании.

Скряга сразу оживился, учуяв шанс, и допытывается дальше:

— А ещё дешевле найдётся?

Доктор Жэнь раскусил этого безумца, для которого грош дороже жизни, и отшил его:

— Собачье дерьмо с белым сахаром!

Но тот и не думал смущаться, продолжая гнуть своё:

— А если без сахара, только одно собачье дерьмо — сгодится?

Рецепт исцеления чахотки лепёшкой, обмакнутой в кровь казнённого преступника, был широко популярен в старом обществе. Только вот почему для этого годилась непременно кровь смертника? Почему не подходила кровь погибших от иных причин или даже забитого скота? На этот вопрос ответить трудно: в том наверняка примешаны пережитки феодальных суеверий, либо же особая кровь оказывала на больного мощнейшее психотерапевтическое воздействие.

Оглядев всех напоследок перед смертью и заметив родных, Ху Шанжэнь улыбнулся и испустил дух. А той женщиной, что ела окровавленную лепёшку, была его старшая дочь Ху Юйсюэ. Позже матушка Гэ попыталась расспросить Чжан Цзуйсяо, случилось ли той в самом деле поедать кровавые лепёшки, но та всё категорически отрицала, заявляя, что носит фамилию Чжан, а вовсе не Ху, и что та женщина — вовсе не она, а матушка Гэ просто перепутала. Из-за этого матушка Гэ сама запуталась окончательно и даже стала стыдиться того, что оклеветала Юйпин.

Тут люди под раскидистым вязом внезапно услышали странный, необычный звук и дружно задрали головы к небу.

<http://bllate.org/book/22008/2287956>